

Фрэнсис Брет Гарт

Н. Н.

Фрэнсис Брет Гарт

Н. Н.

Серия «Повести-пародии»

Аннотация

«– Мадемуазель, клянусь вам, что люблю вас.

– Вы, читающие эти страницы; вы, устремляющие ваши воспаленные глаза на эти слова – слова, которые я начертил. – Ах, Боже мой, эта мысль сводит меня с ума.

– Я буду спокоен. Я буду подражать сдержанности веселого англичанина, который носит носовой платок с горошинками, называемыми им «Belchio», который питается бифштексом и ласкает бульдога. Я покорю себя подобно ему...»

Фрэнсис Брет Гарт

Н. Н.

*Повесть во французском параграфическом
стиле.*

– Мадемуазель, клянусь вам, что люблю вас.

– Вы, читающие эти страницы; вы, устремляющие ваши воспаленные глаза на эти слова – слова, которые я начертил. – Ах, Боже мой, эта мысль сводит меня с ума.

– Я буду спокоен. Я буду подражать сдержанности веселого англичанина, который носит носовой платок с горошинками, называемыми им «Belchio», который питается бифштексом и ласкает бульдога. Я покорю себя подобно ему.

– Ха! Пиво! Отлично – годдэм!

– Или, я буду вести себя подобно свободнорожденному американцу – веселому брату Джонатану! Я буду махать палкою. Буду насвистывать «Yankee Doodle» и забывать свои приступы гнева, сильно отхаркиваясь.

* * *

Мир разделен на два отдела, – Париж и провинция. Париж – единственный. Провинций много, между ними можно поименовать Англию, Америку, Россию и Италию.

Н. Н. был парижанин.

Но Н. Н. не жил в Париже. Бросьте парижанина и провинцию и вместе с ним вы бросите туда частицу Парижа. Бросьте его в Сенегамбию, и через три дня он сделает или *omelette soufflée*, или *pâté de foie gras*, поданные самыми милостивыми девушками Сенегамбии, которых он будет называть *mademoiselle*. Через три недели он поставит вам оперу.

Н. Н. был заброшен не в Сенегамбию, а в Сан-Франциско, – одинаково неудобно.

В Сан-Франциско добывается золото, но золотить там не умеют.

Н. Н. прожил в этом месте три года. Он облысел, как все парижане. Посмотрите, мадемуазель, из вашей ложи в комической опере и сосчитайте лысины совершенно молодых людей в партере. А – вы дрожите. Эти лысины – доказательство, куда попали и где прошли стрелы любви.

Н. Н. был очень близорук, как в конце концов бывают все парижане. Это природа любезно заботится о том, чтобы избавить их от горя сознать, что знакомые их давно состарились. После известных лет всякая женщина у парижанина – красавица.

Однажды Н. Н. шел по Вашингтон-Стрит. Вдруг он остановился.

Он стоял перед дверью портнихи. За конторкою, в дальнем конце магазина стояла молодая, изящная женщина. Она стояла спиною к Н. Н. Он вошел. С приличным извинением

и кажущимся равнодушием, он любезно вступил в разговор с портнихой, как только способен это сделать один парижанин. Но ему пришлось дело иметь с парижанкою. Его попытке разглядеть черты незнакомки за конторкой ловко помешала содержательница магазина. Ему пришлось удалиться.

Н. Н. пришел домой и лишился аппетита. Всю ночь ему мерещились нарядный корсаж и изящные плечи красивой незнакомки. На другой день он снова стал бродить подле магазина портнихи. Ах! Боже мой! электрическая искра пробежала по всему его телу и странно отдалась в пальцах. Прелестная незнакомка была тут. Он грациозно приподнял шляпу. Он не был вполне уверен, но ему показалось, что легкое колебание её безупречного головного убора давало повод думать, что он был узнан. Он бы порывисто бросился в магазин, но именно в эту минуту портниха показалась у дверей.

– Не угодно ли вам чего-нибудь, мосьё?

Несчастье! Отчаяние! Н. Н., купил бутылочку синильной кислоты, связку угля и пачку розовой почтовой бумаги и вернулся домой. Он написал прощальное письмо в совершенстве сидевшему корсажу и открыл бутылочку с синильной кислотой. Кто-то постучался в дверь. Это был китаец, с своим еженедельным бельем.

Эти китайцы покорны, но не умны. Они смышлены, но не умеют создать ничего сами. Они хитры в придумывании средств, во не имеют такта. В любви они просто варвары. Они покупают своих жен открыто, а не через атторнея. Пред-

лагая небольшие суммы за своих возлюбленных, они унижают пол.

Тем не менее Н. Н. чувствовал, что спасен. Он объяснил все верному монголу, и покинул письмо, которое написал. Он умолял его передать его.

Монгол согласился. Этот народ очень нечистоплотен, пахнет дурно, но Н. Н. бросился ему на шею. Одной рукою он обнял его, другою зажал себе нос. Он почувствовал через его одежду, что под нею он сжимает прекрасно сидевший корсаж.

Следующий день был днем мучения и ожидания. Настал вечер, но над ним не смилостивились. Н. Н. зажег уголь. Но чтобы привести нервы в порядок, он запер дверь и сперва медленно прошелся взад и вперед по Монгомери-Стриту. Когда он вернулся, он застал верного монгола у порога.

– All lity! (Все идет хорошо!)

Китайцы произносят не верно. Они избегают *p* подобно английским ноблеменам.

У Н. Н. захватило дыхание. Он тяжело оперся на китайца.

– Так ты видел ее, Кинг-Лонг?

– Да. All lity. (Все идет хорошо). Она пришла. На верх твоего дома.

Покорный варвар указал на верх лестницы и засмеялся.

– Она здесь – не может быть! О небо!

– Да. All lity. Наверху. Прощай, Джон.

Это обычное слово монголов при расставании. Оно рав-

ноСИЛЬНО нашему: до свиданья.

Н. Н. в странном удивлении глядел на удалявшегося слугу.

Он прижал руку в своемУ сильно бьющемУся сердцу. Она здесь, – одна под его кровлею. О Боже, – что за счастье!

Но каким образом? Оторвана от своего дома? Может быть, ее тащили безжалостные руки неумолимого дикаря, оторвав ее от её вечерней молитвы? Могла ли она простить ему?

Он порывисто взбежал по лестнице. Он отворил дверь.

Она, отвернувши лицо, стояла у его постели. Странно, у него закружилась голова. Он стал на колени у порога.

– Прости, прости. Ангел мой, можешь ли ты прост меня!

Страшная рвота прибавилась теперь в сильному головокружению. Ему стало трудно говорить, язык не повиновался ему.

– Говори, говори, обольстительница. Прощение, вот все, чего я прошу. Моя любовь, моя жизнь!

Она не ответила. Он вскочил на ноги. Когда он вставал, глава его упали на сковороду с горевшим углем. Страшное подозрение мелькнуло у него в голове. Это головокружение, эта рвота. Невежество варвара! Это молчание! О милосердное небо: она умирает!

Он подполз в ней. Он дотронулся до неё. Она упала безжизненно на пол. Он пронзительно вскрикнул и бросился к ней.

Полицейские нашли его на следующее утро на полу мертвым. Они грубо смеялись – эти жестокие служители закона – и высвободили его руку из-под талии деревянной куклы, за которую они пришли от портнихи.

Опорожнив на него несколько полных ведер воды, им, наконец, удалось вырвать его не только из объятий его любовницы, но и смерти, которой он добивался без неё.

Ах, мы живем в странном мире, господа.

«Вестник Европы», № 2, 1883